

- И то верно, - с некоторым удивлением произнес Сюй Чжицю. - Ты даже знаешь об этом.

Держа в одной руке винную чарку, Сюань Чжи смотрел на его удивленное лицо. Он хотел что-то сказать, но в итоге промолчал, лишь коротко отозвавшись:

- Мм.

В чистой глади вина отражались его брови и глаза, чье выражение невозможно было разобрать в тусклом свете. Снова подняв голову, Сюань Чжи спросил:

- Тебе раньше нравились такие?

- ...Кхе!

Словно вывалив это невпопад, Сюй Чжицю едва не подавился на середине глотка. Он яростно застучал себя в грудь, пока наконец не продышался, а опустив чарку, отчаянно захлопал руками:

- Стоп.

Опустившиеся уголки глаз чуть приподнялись, и сидевший напротив человек посмотрел на него.

При одной мысли о помолвке у него начинала болеть голова. Сюй Чжицю налил себе полную чару до краев, залпом осушил её и только после этого выдал:

- Всё совсем не так, я и сам теперь тысячу раз пожалел.

Услышав слово «пожалел», Сюань Чжи наконец чуть заметно переменялся в лице.

- Давай больше не будем общаться на эту тему, этот брачный контракт рано или поздно пойдет прахом.

Небрежно отбросив чарку в сторону, Сюй Чжицю развалился на сиденье, абсолютно не заботясь о приличиях, и откинул голову на резной оконный косяк из грушевого дерева. Белые волосы растрепались от залетевшего в окно ночного ветерка, а сам он полуприкрыл глаза и

лениво протянул:

– У него есть любимый человек, да и мне на это плевать.

Никаких романтических интересов. Натянута в голове струна наконец ослабла, и Сюань Чжи незаметно выдохнул. Его голос звучал привычно спокойно:

– Никогда не думал расторгнуть помолвку?

Стоило Сюй Чжицю заикнуться об этом, как в нем сразу проснулся энтузиазм. Он резко подобрался, выпрямился во весь рост и принялся с расстановкой пересказывать оба варианта процедуры, которые поведал Тунцзы, а затем гневно сжал кулаки:

– Тот, кто придумал этот порядок расторжения помолвки, просто невероятный гений! До чего же гнусно, до крайности гнусно!

Кто бы мог подумать, что в мире заклинателей существуют свои правила входа и выхода из брака – такие простые на словах, но сулящие ловушку на каждом шагу.

Дважды повторенное «до крайности гнусно» отлично иллюстрировало степень его ярости.

Он так разозлился, что принялся колотить кулаком по столу, но, опасаясь потревожить шумом соседние комнаты, занес кулак высоко, а опустил едва слышно. Сдерживая рвущуюся наружу злость, он выглядел так, будто в любую секунду готов подпрыгнуть и влететь тому, кто установил эти правила, прямо в лицо. Сюань Чжи наблюдал за ним, слегка опустив голову и тихонько улыбаясь.

Он все еще жив. Пока этот человек так живо и ярко существует в мире – это уже величайшее благословение.

Он редко улыбался. На самом банкете уголки его губ даже не дрогнули, от природы излучая ауру смертоносной угрозы, от которой окружающие весь вечер дрожали от страха. Но стоило ему улыбнуться, как в чертах проступало неожиданное мягкое тепло, а разгладившиеся брови таили искреннюю нежность.

Каким бы красивым он ни был, неуместная улыбка в момент чужого гнева мгновенно делает тебя мишенью для атаки. Перекатившись по краю стола, Сюй Чжицю закинул руку ему на шею и применил удушающий прием.

Сюань Чжи даже не пытался сопротивляться захвату. Подавшись назад под воздействием силы, он поднял голову и спросил:

- И что же ты в итоге выбрал?

На самом деле Сюй Чжицю выбрал третий вариант из двух возможных - просто слинять с банкета по таймеру. Но озвучивать это вслух не стоило, поэтому, немного подумав, он ответил:

- Пожалуй, выберу расторжение в день свадьбы. Пусть это и не слишком благопристойно.

Если подумать хорошенько, его моральный облик и так оставлял желать лучшего, а среди сородичей по секте доброй репутацией он никогда не славился. О какой благопристойности вообще могла идти речь? Того, чего не существует, можно и вовсе не замечать.

Белая прядь упала набок, касаясь уголка глаза. Сюань Чжи бросил на неё быстрый взгляд, а затем перевел взгляд обратно, прямо в светлые глаза сидевшего рядом человека, и произнес:

- Когда придет этот день, я заберу тебя.

Тон был совершенно обыденным, будто он бросил эту фразу мимоходом, шутки ради. Но глаза смотрели сосредоточенно и пристально; колеблемое ветром пламя свечей и фонарей в комнате заставляло его лицо то погружаться в тень, то освещаться вспышками света, из-за чего в этот момент было невероятно трудно отличить правду от вымысла.

Услышав это, Сюй Чжицю сперва опешил. На мгновение повисла тишина, после чего он усмехнулся:

- Ладно, если только у тебя получится меня увезти.

В день свадьбы съедутся представители всех сект из шести земель человеческого мира, и проверить такой фокус с демоном, похищающим невесту, явно окажется непросто.

Убрав руку с чужой шеи, он перекатился обратно на свое место и подтянул к себе винный кувшин. Обнаружив, что вся тара пуста, Сюй Чжицю заявил:

- В таком виде мне нельзя шастать по улице, так что сегодня тебе придется составить мне компанию здесь. Заказывай всё, что душенька пожелает, с тебя угощение.

Он с поразительной легкостью объявил, что платить будет кто-то другой, совершенно бесстыдно сбегая от счета, после чего вновь вальяжно прислонился спиной к оконному проему, любуясь пейзажем за бортом.

Не став возражать насчет оплаты, Сюань Чжи извлек на свет отрезок парчи и произнес:

– Если хочется прогуляться, можешь примерить это.

Сюй Чжицю подался вперед.

Этот ходячий генератор сюрпризов по имени Сюань достал одежду. Темно-зеленую, с примесью желтоватого света фонарей, источающую мягкое тепло.

– А ты неплохо справляешься.

Его глаза мгновенно сощурились в улыбке. Приняв наряд, он затворил створку окна и тут же принялся развязывать пояс.

Смущаться он явно не собирался – Сюань Чжи, закрывая окно, благоразумно отвернулся.

Задвинув щеколду и повернувшись, он тут же уперся взглядом в затылок Сюй Чжицю. Тот тихонько засмеялся, пребывая в отменном расположении духа:

– Расслабься, моя мораль еще не пала до такого уровня.

Он собирался сменить лишь верхнее ханьфу, а нижние одежды оставались на нем в полном порядке, так что чужих глаз он не оскорбит. Повозившись с обновкой и обнаружив, что запутался в завязках, он просто оставил эти попытки и бросил:

– Сюань Чжи.

Сюань Чжи обернулся и с первого же взгляда уперся глазами в болтающееся кое-как на талии собеседника одеяние. Уголок его глаза нервно дернулся, но он тут же поднялся из-за стола.

Привыкший к тому, что за ним ухаживают, Сюй Чжицю послушно раскинул руки. Сюань Чжи склонился над ним, сперва принимаясь за воротник. Пальцы, сохранившие жаркое тепло, скользнули возле самой шеи – действовал он предельно аккуратно и сосредоточенно.

Сюй Чжицю от нечего делать принялся глазеть по сторонам и только сейчас сообразил, что человек, который по воспоминаниям был с ним одного роста, теперь возвышался над ним на добрую голову.

Пока они сидели, разница бросалась в глаза не так сильно, но стоило тому встать рядом, как крупная фигура мгновенно заполнила собой всё пространство, сделав комнату тесной. До носа едва уловимо донесся знакомый свежий запах морозной сосны и тщательно скрытые нотки застарелой крови.

Он предпочел промолчать, сделав вид, что ничего не учуял.

Коль скоро переодеваться, так по полной – к наряду прилагалась даже подходящая лента для волос, и добросердечный товарищ попутно помог ему привести в порядок растрепанную шевелюру.

Пока всё делалось чужими руками, жаловаться было не на что, и он смиренно сидел, позволяя с собой возиться.

Три тысячи белоснежных прядей сияли белизной чистейшего снега. Когда шелковистые пряди выскальзывали сквозь пальцы, они казались осыпающейся снежной крупой – ослепительно-белой.

Сюань Чжи склонил голову. Его пальцы на мгновение сжались в кулак и вновь разжались; моргнув, он завязал на волосах парчовую ленту в тон и тихо произнес, что всё готово.

Сюй Чжицю тут же подскочил на месте, разминая затекшие плечи и нанося в воздух серию невидимых ударов – сначала левым хуком, затем правым кроссом.

Одежда сидела на нем идеально. Темно-зеленый оттенок весеннего дождя южных рек удивительно гармонировал с бледной, почти мертвенно-белой кожей, а вплетенная в белые волосы цветная лента добавляла облику капельку живой энергии. При каждом движении позванивали нефритовые подвески на поясе, раскачиваясь в такт шагам так, будто

покачивались на чьем-то сердце.

Вот только верхнее ханьфу оказалось слегка просторным. Наряд кроили по меркам его фигуры трехлетней давности, а за прошедшие годы он похудел еще сильнее, так что разница была заметна. Сюань Чжи бросил взгляд на тонкие, хрупкие запястья перед собой, пару секунд помедлил и медленно отвел глаза.

Расплатившись за вино, они покинули таверну на корабле.

Будь то заштатный городишко или утопающий в роскоши Белояшмовый град, вкусы Сюй Чжицю оставались неизменными: его по-прежнему привлекали лишь две вещи – хорошее вино и всевозможные трактаты с записками.

С тех пор как он недавно выяснил, что человеческие слухи о некоем мастере меча относились к особе господина Циюня, он в панике выбросил больше половины любовных романов и беллетристики, забивавших его шкафы. Читать было почти нечего, и запасы требовалось срочно пополнять.

Рядом с ним неизменно находился бесплатный носильщик: раньше эту роль исполнял Тунцзы, а ныне – сам владыка демонов. Сюй Чжицю шагал вдоль полок, выискивая нужное и сваливая всё на руки спутника, при этом не забывая набирать столько, сколько помещалось в его собственных руках, включая сувениры для застрявшего в секте Тунцзы.

Похоже, кем бы ни был этот человек – будь он хоть трижды могущественным владыкой демонов, попадая в поле зрения Сюй Чжицю, он неизбежно превращался в грузчика, обязанного потащить пару пачек книг.

К тому же он искренне подозревал, что время в книжной лавке течет иначе, чем во внешнем мире. Подтверждением служило то, что стоило ему зайти внутрь и выйти обратно, как с центральной башни разнесся гулкий звон серебряного колокола, возвещавший о наступлении полуночи.

Медный звон вырвал из нирваны мозг человека, который с головой погрузился в море литературы и потерял счет времени и пространству.

Нагулявшись всласть, он наконец вспомнил, что вообще-то находится на положении тайного

беглеца. Сюй Чжицю молча свалил всю ношу в охапку Сюань Чжи и трогательно, от всего сердца ухватил его за руки.

Удерживая на весу ворох мелкой всячины и чувствуя идущий от второй ладони ледяной холод, Сюань Чжи опустил голову:

- ...Мм?

Обе руки перехватили его ладони снизу и сверху, словно заворачивая пельмени. Сюй Чжицю с явным сожалением бросил взгляд на только что нагруженную стопку вещей, после чего поднял глаза:

- Мне пора возвращаться. Всё это – моя главная опора в жизни, а ты единственный, кому я могу доверять, так что пока похрани это у себя.

Он рассуждал о своей духовной пище, однако акценты Сюань Чжи сместились в совершенно иную плоскость:

- Единственный?

- Ну да, единственный, – не ожидавший такого подвоха Сюй Чжицю сперва подтвердил, а затем, запнувшись, честно поправился:

- Ладно, пожалуй, второй.

- Ну ладно, третий, – немного подумав, добавил он. – Ну хорошо, четвертый...

- ... – у Сюань Чжи дернулась бровь, и он предпочел пресечь эти математические изыскания:

- Хватит.

Сюй Чжицю был только рад не утруждать себя лишними размышлениями:

- Вот и отлично. В общем, сбереги мои сокровища, при первой же возможности я зайду за ними.

Если вернуться чуть позже, возрастет риск быть пойманным с поличным, а ему потом замучаешься объяснять, каким макаром при смерти больной пациент умудрился перемахнуть через стены резиденции градоправителя. Требовалось прошмыгнуть назад до того, как его отсутствие в комнате обнаружат.

Сказано – сделано. Разомкнув ладони, он крутанулся на месте и тут же растворился в толпе,

направляясь к резиденции градоправителя. Темно-зеленый подол ханьфу мелькнул среди людского моря и в мгновение ока исчез – как и всегда, он уходил стремительно, сохраняя свою извечную легкую беззаботность.

– ...

Прижимая к груди только что выбранные безделушки, Сюань Чжи замер на месте. Проводив взглядом растворившийся в темноте силуэт, он опустил глаза: на ладонях еще теплился ледяной след, служивший доказательством того, что все произошло наяву и ему ничего не показалось.

<http://bllate.org/book/18820/1865188>